

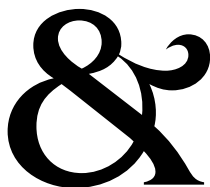
АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ

РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

**АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ**

**РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Крест Иоанна
Кронштадтского**

**МОСКВА
2019**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Разработка серийного оформления *Н. Кудри*

Редактор серии *А. Залетаева*

В коллаже на обложке использована фотография:
Igor Lushchay / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алейникова, Юлия.

А45 Крест Иоанна Кронштадтского / Юлия
Алейникова. — Москва : Эксмо, 2019. —
384 с. — (Артефакт & Детектив Российской
Империи).

ISBN 978-5-04-100438-5

С особняком на углу Малой Никитской и Вспольного переулка москвичи давно связывают мрачные легенды. Ничего удивительного, что здесь являются привидения и оживают тени прошлого, ведь в этом тихом уголке старой Москвы жил сам Лаврентий Берия, всесильный и безжалостный палач, державший в трепете всю страну. Но легенды легендами, а журналистка Маша Семизерова действительно пропадает у дома Берии. Не исключено, что она попала в чужую эпоху по ошибке, и теперь остается только отыскать спасительный крест святого Иоанна Кронштадтского, который помогает всем, кто запутался в собственной судьбе и в блужданиях во времени...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100438-5

Пролог

На Крайнем Севере, в бедном селе Суро, в семье псаломщика маленькой деревенской церкви двести лет назад родился младенец настолько слабенький, что его поспешили окрестить, чтобы он не умер без святого крещения. Бог сделал его духовным светилом своего века и даровал ему всю полноту Духа Святого.

Нарекли младенца Иоанном.

Рос мальчик, учился, ходил с отцом в храм, любил службы и богослужебные книги и сделался набожным и благочестивым. Поступил в семинарию, блестяще окончил ее и был принят в Санкт-Петербургскую духовную академию.

В академии юный Иоанн посвящал много времени богомыслию и понял, что готовится к борьбе с духами злобы поднебесной, миродержителями тьмы века сего — дьяволом и приспешниками его. Подумывал он сначала поступить в монашество и поехать миссионером в далекий Китай, но потом убедился, что и в столице, и в ее окрестностях очень и очень много работы истинному пастырю стада Христова.

По окончании учебы отправился Иоанн Ильич Сергиев исполнять должность священника в Кронштадтском соборе во имя Святого апостола Андрея Первозванного.

Когда прибыл кандидат богословия Иоанн в Кронштадт и впервые вошел в Андреевский собор, поражен был тем, что внутренний вид храма ему хорошо знаком — был это тот самый храм, который он с необыкновенной ясностью видел в молодые годы во сне. В сновидении этом он вошел в северные и вышел через южные врата алтаря. Тогда понял он, что сам Бог назначил его священствовать в этом храме.

12 декабря 1855 года посвящен был Иоанн в сан священника и начал свое великое служение.

В ту пору Кронштадт был местом, куда из столицы высылали порочных людей, бродяг и прочий неблагонадежный люд. Ютились беднейшие жители на окраинах в бараках и лачугах, шатались по улицам, попрошайничали и пьянствовали. Кроме того, в Кронштадте было много портовых рабочих, работавших в порту, поскольку в то время морские суда не могли из-за мелководья доходить до Петербурга, товары с них перегружались на мелкие суда.

Чернорабочий люд этот с семьями тоже селился на окраинах. Мужья пьянствовали, жены с детьми жили в беспросветной нужде, в голоде и холоде.

И вдруг, по повелению Божию, среди этого мрака блеснул луч любви. Молодой священник Андреевского собора отец Иоанн стал посещать эти лачуги и бедные квартиры. Он утешал брошенных матерей, нянчил их детей, пока мать стирала; помогал деньгами; вразумлял и увещевал пьяниц; раздавал все свое жалованье бедным, а когда не оставалось денег, отдавал свою рясу, сапоги и босой возвращался в церковный дом.

Сперва эти черствые люди не понимали порыва доброго пастыря. Однако, увидев его необычайную

доброту, поняли, что Бог послал им любвеобильного друга и благодетеля. Сослуживцы отца Иоанна, духовенство Андреевского собора, частенько говорили его жене: а твой-то сегодня опять босой пришел. Не нравилось им это, не понимали они святого. Стали они хлопотать, чтобы жалованье отца Иоанна выдавалось не ему, а жене его.

Но не одну только денежную помощь оказывал отец Иоанн страждущим людям. Он вразумлял и увещевал падших, он молился об исцелении болящих. Молитву об исцелении отец Иоанн начинал сначала молитвой о прощении грехов болящему.

Если звали его к больному ночью, он тотчас торопливо одевался и ехал. Посещал он всяких больных и даже самых острозаразных. Не стоит и говорить, что за свой труд он не брал ни копейки. Он сумел поверить словам Христовым, которым, к сожалению, мало кто хочет верить: даром получили благодать Духа Святого — даром и давайте ее. Благодать чудотворения далась отцу Иоанну не сразу, а после многолетнего подвижничества.

О бескорыстии и щедрости отца Иоанна ходили легенды. Каждый день он получал до тысячи писем и телеграмм, преимущественно с просьбами помолиться об исцелении больных, признанных врачами безнадежными.

С просьбами обращались не только православные, но и инославные христиане, иудеи, магометане и язычники. Обращались из всех концов России и из других стран, из Азии и даже из Америки.

Когда русские войска были в Маньчжурии, китайцы просили наших посылать «святому бонзе Иоанну»,

как они называли старца, телеграммы с просьбами помолиться об исцелении безнадежно больных.

На проскомидии отец Иоанн вынимал из просфор частицы и возглашал громко: «Помяни, Господи, всех заповедавших мне молиться о них», и этой краткой молитвы угодника было достаточно для исцеления тех, кто слал ему письма и телеграммы с мольбой о помощи.

От верующих стекались к отцу Иоанну такие огромные пожертвования, что за год сумма достигала трехсот тысяч рублей. Но ничего из этого не оставлял себе благородный муж, так что с полной справедливостью можно сказать о нем, что он питал голодных и одевал нагих. Получая подношение от одного лица, тут же, не заглядывая даже в конверт, вручал другому, нуждающемуся. Отдавал деньги сиротам и вдовам, больным для лечения, проигравшимся офицерам для спасения жизни и чести, разорившимся купцам и ремесленникам. Но всегда помогал истинно нуждающимся, словно видел насквозь людей. Мог из кареты выйти на улице, заметив ничем не примечательного человека в толпе, заговорить с ним, дать денег, помолиться за него, а потом становилось известно, что человек этот был на грани отчаяния. У отца Иоанна не было времени ни для обеда, ни для покоя — он был неустанно занят.

Больных подкреплял он молитвой, бедных спасал от голода, падших поднимал и несчастных утешал. Многочисленные благотворительные заведения, которые он устроил, громко говорят о его благородстве.

Отец Иоанн священствовал пятьдесят три года, был митрофорным протоиереем и членом Синода, то есть

достиг высшего положения, возможного для белого духовенства.

Кроме того, отец Иоанн был пожалован императором многими орденами, среди прочих и тремя звездами: Святой Анны, Святого Владимира и Святого Александра Невского.

Отец Иоанн бывало говаривал, что эти орденские знаки отличия ему не нужны и что он их носит, только чтобы не обидеть царя, ему их пожаловавшего.

Отец Иоанн совершил немало чудес. По его молитве прекращались эпидемии: в 1900 году в Таганроге остановилась азиатская холера, на севере Новгородской губернии — сибирская язва. Раввин города Новомосковска прислал отцу Иоанну телеграмму с просьбой спасти местных евреев от холеры, и по его молитве смертельные случаи прекратились, а эпидемия быстро сошла на нет. Отец Иоанн силой своей молитвы избавлял целые губернии от засухи. Все эти случаи документально подтверждены, и имеется тому множество свидетельств.

Великим провидцем был святой Иоанн Кронштадтский. Предсказал он и гибель царской семьи, и революцию, и разрушение храмов, и красные звезды на лбах у гонителей веры, и возрождение России.

Скончался отец Иоанн 19 января 1908 года, меньше чем через столетие был причислен к лику святых, в земле российской просиявших.

Глава 1

ы глянь, Михалыч, опять заклинило. Дай-ка топор, подковырну, — обернулся к товарищу крупный краснолицый детина неопределенных лет, в валенках с галошами и заляпанном мятом халате поверх телогрейки. — Ты гляди, как ее за два дня заколдобило, надо бы мастера вызвать, пушай поправит, а то скоро вообще в погреб не попадем.

Мясник Семен Степанович с грохотом откинул старую, обитую войлоком и дерматином дверь ледника. Потянуло холодом, запахом плесени и гнили.

— Еле сдюжил. Держи топор, — Семен Степанович протянул сторожу топор и, щелкнув выключателем, полез в ледник за тушами. До открытия магазина был еще час, надо было вытащить и порубить хотя бы две туши, а то эта тумба, Варвара, опять разорется, что он ничего не делает и что его гнать пора, а покидать такое теплое и сытое местечко Семену Степановичу категорически не хотелось.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкую прилолку, он спустился в слабо освещенный подвал, протянулся к ближайшей туше, и уже кряхтя и тихо матерясь по привычке, собрался снять ее с крюка, когда какая-то странность привлекла его внимание. Слева на полу растеклась темная густая лужа и по неровно-

стям пола тонким бликующим ручейком добралась почти до его галош.

— От елки, это еще что? — Семен Степанович, пригнувшись, осмотрел лужу, потом пролез между свинными и телячьими тушами и не спеша поднял голову. — Мать честная! — закрестился он размашисто, испуганно хлопая глазами. — Михалыч! — заорал он заполошным, не подходящим такому крупному и солидному мужику голосом. — Милицию зови, бабу тут убили!

— Итак, это вы нашли тело? — потирая желтоватые впалые щеки, спросил милиционер, видно, главный в бригаде — остальные бегали по подвалу, по магазину, по двору, а этот сидел у заведующей в кабинете. Горшки с цветами с подоконника сгреб и по-хозяйски окно открыл на двор. Да и то сказать — жара такая, ежели б не в ледник ходить, так и валенки не нужны, да нельзя без них, ревматизм замучил.

— Как вы его нашли, рассказывайте, — кивнул милиционер, а может, и следователь, Семену Степановичу, и тот, заикаясь и дергая полы замусоленного халата, начал:

— Пришел я сегодня пораньше, чтоб мясо нарубить, Михалыч, сторож наш, мне открыл. Он завсегда на посту, всегда сам открывает, — потея от страха и от неуверенности, говорил Семен Степанович. — Надел телогрейку, халат и пошел, а там дверь в подвал опять заколдобило. Распухла, значит, она от сырости, дергал я, дергал, потом уж топором подковырнул.

— А что, дверь в подвал у вас на замок не закрывается? — поднял голову от бумаг следователь.

— Не-а, а зачем? Магазин закрыт, Михалыч всегда на месте, чего ее запирать? Да она и так заколдобила,

без топора не откроешь, — занервничал Семен Степанович, ощущая в вопросах следователя не вполне ясную угрозу.

— Про топор я уже слышал. Откуда он, кстати? Чей? — глядя исподлобья на мясника, спросил капитан Кочергин.

Мясник ему не нравился. Впрочем, ему вообще никто не нравился. И в силу характера, и в силу здоровья.

С детства Павла Евграфовича отличала удивительная черта — он, как никто другой, умел оценивать людей при первой же встрече, с первого взгляда. Как? А бог его знает. По мелочам, наверное, по незначительным черточкам. И различал он в людях только плохое. Другое не умел. Вот, например, оценить при встрече, какой у человека характер, или темперамент, или происхождение — он не мог, а сказать, что тот подлец и враль — это пожалуйста. Или, например, объяснить, зачем майор Порошкин врет, что у него жена пельмени готовит «пальчики оближешь» и, вообще, хозяйка первостатейная, он не мог, а что Порошкин — подлая душа и стукач, видел невооруженным глазом, причем разглядел это в первый же день, когда Порошкин у них в отделе появился. И так всю жизнь.

Из-за этой вот самой черты и друзей у капитана было мало, и холостым он живет. Хотя по молодости был женат на хорошенькой хохотушке Леночке Воробьевой из соседнего двора. Влюбился страшно, свадьбу сыграли, родители его им угол в комнате отгородили, и вроде сперва все хорошо шло, но как-то не сложилось. Как, почему? Поди разберись! Кочергин вздохнул, еще раз потер щеки и, отогнав воспоминания, взглянул на небритого неопрятного мясника, мнущегося перед ним в своих валенках.

Мясник был мелким жуликом, ленивым, пьющим, но на убийство не способным. Впрочем, как и сторож, «герой Гражданской войны». Куйбышев ему, видите ли, лично отрез на портянки подарил. Продрых, пьяная морда, все на свете, а Кочергину выясняй теперь, откуда в подвале труп взялся.

— Так откуда топор?

— Так это магазинный... Мы им дрова зимой колем, чтобы печку в подсобке топить. Холодно зимой-то, — нервничая еще больше, пояснил Семен Степанович. Не иначе, судорожно соображал, припомнят ему предвоенную ревизию или нет.

— Та-ак. Открыли, значит, дверь, — все так же потирая желтые худые щеки, бесцветным голосом продолжил следователь. — Дальше.

— Дальше? — озабоченно переспросил Семен Степанович, как замороженный рассматривая планку следовательских наград на груди. — А дальше я тушу свиную снять хотел с крюка, смотрю, лужа какая-то подозрительная. Заглянул туды, а там баба на крюке вместо туши висит, и живот распоротый. — Тут Семен Степанович не удержался и снова размашисто перекрестился, как тогда в подвале.

Зрелище было просто жуткое, Семена Степановича до сих пор передергивало, несмотря на многолетний опыт работы. До войны он еще и на бойне подвизался, но чтоб человека вот так вот, не-ет, такого изуверства он еще не видал. Они даже тяпнули с Михалычем по чуть-чуть, пока милицию ждали, да еще и молоденькому милиционеру плеснули, который на их вопли с проспекта примчался. Его, бедолагу, едва не вывернуло, когда он в подвал сунулся, до сих пор бледный на улице обретается.

Женщина та совсем голая висела, молодая еще, красивая, наверное, а крюк у самой шеи из-под ключицы торчал, и живот был распорот, а оттуда все потроха наружу. Жуть, одним словом.

— Вы, — следователь пошуршал листочками на столе и по слогам закончил: — Феопрепия Михайловича Ваничкина давно знаете?

— Кого, простите? — озадачился Семен Степанович, даже на минутку бояться перестал.

— Сторожа вашего, — пояснил следователь недовольно, зыряка на Семена Степановича сердитым взглядом.

— Ах, Михалыча? Да уж, почитай, четыре года, как в магазин устроился в сорок седьмом, так и знаю.

— И что сказать можете?

— Да что ж тут скажешь? Человек хороший, положительный, а что пьет, говорят, так то в выходной или там по праздникам, как все, — солидно проговорил Семен Степанович, стараясь не дышать на следователя вчерашним перегаром и страшно жалея, что с утра побриться поленился, посчитал, и так сойдет, а теперь, пожалуй, и его за неблагонадежного выпивоху примут.

— Так, ладно. Еще что-нибудь сказать имеете? — хмуро глядя на Семена Степановича, спросил следователь.

— Никак нет, — коротко по-военному ответил тот и поспешно стал пятиться к выходу. А потом, замешкавшись в дверях и взглянув в желтушное лицо следователя, зачем-то брякнул: — Вам бы настой одуванчика попить, свекрови покойнице помогало. — И он шмыгнул за дверь, не дожидаясь ответа удивленного следователя...

— Вот, товарищ капитан, опознали! — Входя в залитый жарким летним солнцем кабинет, громогласно доложил лейтенант Алексеев, рослый, румяный, улыбочивый, совершенно неподходящий для работы в МУРе.

— Чего ты разорался, — проворчал замученный летним зноем капитан Кочергин с желтым лицом и впалыми щеками, — кого там у тебя опознали?

— Так женщину эту, что мы позавчера с крюка в гастрономе сняли, точнее, девушку! Опознали ее, сестра с матерью опознали! — не теряя оптимизма, доложил Алексеев. — Вот протокол. Артемьева Лидия Александровна, 1934 года рождения. Пропала четыре дня назад. Ушла днем из дома и не вернулась. Выпускница. Только-только школу закончила, точнее заканчивала, — тускнея на глазах, договорил Алексеев. — Павел Евграфович, кто ж ее так, а? Девчонка совсем.

— Кто? — вздыхая, эхом повторил за Алексеевым капитан. — Вот и мне интересно знать кто. Сторож — гадина пьяная — все проспал. У него под носом труп в подвале на крючок подвесили, а он проспал.

— Но ведь, Павел Евграфович, это не мог сделать посторонний. Ведь про подвал, мимо магазина проходя, не догадаешься, — присаживаясь на обитый клеенкой казенный стул, озабоченно проговорил лейтенант.

— Да в том-то все и дело. В подвале этом раньше бомбоубежище было, потом склад, сколько там за это время людей перебывало? И вход черный — вот он, в двух шагах от двери в подвал, — достал из-под бумаг план магазина капитан Кочергин Павел Евграфович, — а сторож в подсобке на другом конце мага-